

МЕССЕРЕР, БЕЛЛА, ГРАММОФОН, МЕТРОПОЛЬ И ВЫСОЦКИЙ

Благодаря дружеской помощи Александра Гульчина я стал обладателем альбома Бориса Асафовича Мессерера. Кроме несколько фото с Высоцким – главной приманки для меня, в альбоме нашлось много интересного, чем мне захотелось поделиться собратьями по духу.

Так случилось, что ранее работы Мессерера прошли мимо моего сознания. Что я знал о нём: художник-оформитель, один из создателей «Метрополя» - первого неподцензурного издания в СССР. Рисунком Мессерера в виде композиции из нескольких граммофонов, чем-то напоминающей диковинное насекомое, украшена обложка альманаха.

Мессерер - муж Беллы Ахмадулиной – вот о ней-то я знал значительно больше и восхищался ею как поэтессой, и как другом Высоцкого – она деятельно пыталась помочь в публикации его стихов, но противодействие «софьи власьевны» оказалось сильнее.

Основатели "Метрополя" и экземпляры альманаха. 1980 г.

1-й ряд: Б.Мессерер, Ф.Искандер, А.Битов, В.Аксёнов, М.Аксёнова.

2-й ряд: Е.Попов, В.Ерофеев, Б.Ахмадулина, А.Вознесенский, З.Богусловская

Несколько строк об издании «Метрополя». Сначала, в полусекретной обстановке было выпущено 12 экз. альманаха, на листах ватмана, на которые наклеивали по четыре машинописных листа текстов. Конечно, в таком виде издание носило только подготовительный характер и годилось только для представления в «компетентные органы» для решения вопроса о типографском тиражировании. В самых высоких инстанциях поднялось много шума, были и оргвыводы, но после того, как типографское издание в СССР не состоялось, альманах издали за рубежом, сначала в США, а затем и в нескольких странах Европы и т.о. тираж достиг уровня, обычного для русского зарубежья.

Все ли знают, чем примечателен «Метрополь»? У него много достоинств. Главное: в нём авторы писали то, что ХОТЕЛИ! Писали без оглядки на обязательную тогда цензуру! Ну пусть не так грубо: «цензура», а куда мягче - без необходимости «залитовать», т.е. получить разрешение в «Управлении по охране государственных тайн в печати». Без оглядки на «руководящую роль партии», и много без чего ещё. Например: в альманахе опубликовал свои «взрослые» стихи поэт Генрих Сапгир, до тех пор в СССР не публиковавшийся. Я не понимаю стихов Сапгира, но понимаю, что есть и другие критерии, кроме моего личного вкуса. Раз его считают талантливым представителем «лианозовской школы», то несомненно, публикация таланта - хорошо. Кстати, и зарубежная критика отмечала в альманахе, прежде всего, публикацию Сапгира. В Метрополе опубликовались и В. Аксёнов, А. Арканов, Ф. Искандер, Б. Ахмадулина, которые печатались и в «нормальных» изданиях, но хотели напечататься «без оглядки». В числе авторов - признанный «мэтр» - А. Вознесенский (который поместил здесь ранее публиковавшиеся стихи, что скорее, служило авторитетным прикрытием для альманаха), и др. - всего 26 поэтов и прозаиков. И здесь напечатал 19 своих стихов Владимир Высоцкий. К тому времени в центральном книжном издании у него было только одно усечённое стихотворение в «Дне поэзии», 1975. Кроме того было напечатано несколько текстов песен в разных песенниках, несколько десятков стихов в сотне газет, преимущественно периферийных, и в нескольких журналах, от «Советского экрана» до «Химия и жизнь». А за рубежом уже было напечатано более 300 его стихов, поэтому публикация Высоцкого в «Метрополе» не была воспринята зарубежными читателями и критикой как нечто революционное. Но мы-то знаем, что только эти 19 стихов были подготовлены к изданию самим поэтом. И когда некоторые критики указывают на какие-то огрехи в стихах Высоцкого, чаще - мнимые, я всегда вспоминаю: только 19 (девятнадцать), из приблизительно шести сотен написанных, были подготовлены к печати самим поэтом. Остальные ~ 581 печатались с рукописных текстов, так, как лично издателям казалось верным. Учтите: работали с далеко не самым разборчивым почерком поэта, часто с черновиками на разных листах, с исправлениями и

вставками сверху, снизу и сбоку, с невычёркнутыми вариантами строк, предположительно забракованных автором. Часть текстов печаталась с воспринятых на слух фонограмм. А нужно ещё учитывать, что иногда на концерте Высоцкий забывал слова и на ходу подставлял новые: что это, вариант произведения или досадная оговорка, которую мог бы исправить сам поэт? Насколько допустимо делать это за автора, работая со стихами гения? Разницу между черновиками, стихами, пропетыми на выступлениях и текстами специально подготовленными к печати, думаю, объяснять не надо. И только в «Метрополе» стихи были такими, какими поэт хотел их представить читателю, подчеркиваю: именно читателю, а не слушателю.

Особо хочу отметить публикацию в «Метрополе» стихотворения «Он был хиругом...» с острым указанием на существование антисемитизма в «братской семье народов» СССР: «Но огромное это светило, к сожалению, было еврей» - видимо, поэт считал эту проблему актуальной.

А почему именно граммофон изобразил Мессерер на обложке «Метрополя»?

Самое простое предположение: граммофон доносит к нам голос тех, кого мы не можем услышать непосредственно, «живьём». Так и неподцензурный альманах познакомил читателей с произведениями, которые не могли прийти к ним обычным путём. Вероятно, так оно и есть. Но раскрыв альбом, я

обнаружил, что граммофон был для художника почти магической фигурой. Эта машина с человеческим голосом, обладает и удивительной грацией в изгибе трубы, в солнцеподобной лучистости рупора.

Юна Мориц, 1983

**Раструбы,
растрУбы,
раструбЫ!
Астрами на дротиках
судьбы,
Чтобы слаще и
больней горелось,
Нас пронзает Боря
Мессер – Эрос.**

Десятки рисунков, набросков, инсталляций с микрофонами в мастерской художника. Фото друзей на фоне граммофонов. Картины: «Белла с граммофонами», фото с Мессерера с Беллой на фоне «Беллы с граммофонами».

«Женщина и граммофон», «Женщины с граммофоном», «Женщина с двумя граммофонми», «Женщина с граммофоном и бабочкой». Даже «Балерины у станка», демонстрируют юбочки-пачки, в форме раструбов граммофона, или лучистого солнца, похожего на граммофон.

Но, конечно не только граммофоны наполняют мастерскую и альбом Бориса Мессерера. Мы видим городские пейзажи, театральные костюмы, эскизы декораций. И, конечно, фото друзей и коллег: В. Аксёнова с М. Аксёновой и с друзьями, участники «Метрополя», В. Высоцкий с Мариной Влади и с Любимовым, отец поэта С. В. Высоцкий, В. Ерофеев, О. Ефремов, Ю. Любимов с

сынишкой и с женой, Н. Мандельштам, Б. Окуджава, С. Параджанов, М. Плисецкая, С. Рихтер ... не перечислять же всех. Почему они здесь?

Пора познакомиться с биографией Б. Мессерера, и начнём мы с деда, Михаила Борисовича, вырастившего династию театральных талантов. Рассказывает его дочь, Суламифь Мессерер в книге «Фрагменты воспоминаний» (Изд. в 2005 г.): «Мне казалось, что мой отец прочитал все книги на свете. Он знал восемь языков. А с древнееврейским у него вообще был роман жизни...».

О самой Суламифи Михайловне. Балерина с виртуозной техникой и огненным темпераментом. В 1947 году была удостоена Сталинской премии первой степени за исполнение партии Жанны в спектакле «Пламя Парижа». Народная артистка РСФСР (1962), балетный педагог (с 1960 года преподавала в Московском хореографическом училище, затем в Токийской балетной школе, труппе «Токио-

Слева направо сидят: Александр, Сима Моисеевна (мать), Михаил Борисович (отец), Рахиль и Елизавета. Стоят: Эммануил, Азарий, Асаф, Маттаний и Суламифь.

балле», педагог-репетитор театра Ковент-Гарден. Орден Великобритании «За заслуги перед искусством танца». Возведена королевой Британии Елизаветой в рыцарское достоинство: титул Dame

(аналогия титула Сэр). Ещё в молодости, занимаясь плаванием, в 1928 году стала двукратной чемпионкой СССР.

Всем своим детям Михаил Борисович давал библейские имена: Пнина, Азарий, Маттаний, Моисей, Рахиль (мать Майи Плисецкой), Асаф (отец Бориса Мессерера), Элишева, Суламифь, Иммануил, Аминадав, не обращая внимание на извечный российский антисемитизм.

В 1904 г. М. Б. Мессерер, сдал экстерном экзамены в гимназии и на медицинский факультет Харьковского университета. Он получил диплом зубного врача, что позволило ему прорвать «черту осёдлости» и из еврейского района Антоколь в Вильно, переехать с семьёй в Москву. Род Мессереров насчитывает восемьдесят потомков. Несмотря на свою прозаическую профессию, дед был очень творческим человеком, сумевшим привить детям любовь к искусству. У Мессереров

всегда была особенная атмосфера: звучала музыка, ставились домашние спектакли. Среди самых известных представителей рода: актриса немого кино Рахиль Мессерер-Плисецкая; театральный актер Азарий Азарин (Мессерер); балерина Большого театра Суламифь Мессерер; выдающийся балетный танцовщик, балетмейстер и педагог Асаф Мессерер; его сын, театральный художник и сценограф Борис Мессерер. О внучке Михаила Борисовича, балерине Майе Плисецкой, говорить здесь

не будем, имя говорит за себя, приведём только одно фото.

А. Алонсо, М. Плисецкая, Б. Мессерер, 1967 г.

Отец нашего героя, Асаф Мессерер, лауреат двух Сталинских премий, народный артист СССР (1976), прославился не только как блистательный танцовщик, но и как выдающийся балетмейстер и педагог. Ему принадлежит разработка уникальной методики специального балетного класса, который многие десятилетия назывался не иначе как «Звездный класс Асафа Мессерера», он же – автор знаменитого учебника по классической хореографии. С искусством Асафа Мессерера принято связывать расширение возможностей мужского танца, а также обогащение и усложнение лексики балетных спектаклей. А творческую судьбу этого выдающегося балетного деятеля без преувеличения можно назвать удивительной, ведь балетом Асаф Мессерер начал заниматься в

пятнадцать лет – возрасте, когда остальные уже заканчивают свое обучение в хореографическом училище....

<http://www.muzcentrum.ru/orfeus/programs/issue3227/>

Борис Асафьевич Мессерер не пошёл по стопам отца, скорее, на выбор пути повлияла мать – Анель Судакевич, художница по костюмам, а до того известная актриса немого кино.

«В 1956 году он окончил Архитектурный институт, но формировался по-своему, за пределами подчинения учителям. Мессерер пришел в театр, чтобы вольно создавать там свою сценическую архитектуру. Он оказался одним из немногих продолжателей классического театрально-декорационного искусства.

Первой вехой в его театральной судьбе стал новорожденный театр «Современник». Здесь со своими друзьями-единомышленниками в атмосфере молодого задора и бурлящей энергии он придумывал для постановок необычные объемно-пространственные декорации... В 1963 году Б. Мессерер дебютировал как сценический художник на сцене Большого театра в балете «Подпоручик Киж» на музыку С. Прокофьева и как раз в этой работе безотложно заявил об особом подходе к оформлению спектакля, отличавшемся от

общепринятого в декорационном искусстве и более того, казалось бы, истинной сути и природе данного искусства. Заключается тот самый [мессереровский] подход в том, что если обыкновенно любого вида декорация так или по иному изображает местоположение действия, то Мессерер сочиняет графические композиции, которые несут в себе образ спектакля и тем самым обретают значимость самостоятельных визуальных «персонажей».

Одновременно Б. Мессерер – оригинальный живописец и великолепный декоратор. Его полотна и графика сродни театру...

Творческая мастерская Бориса Мессерера с давних времен переросла важность обыденного рабочего места художника. «Поварская, 20» – это не нетрудно столичный адрес, но неформальная академия искусств, союз литературы, изобразительного искусства и музыки. Здесь собирались и собираются представители подлинной творческой элиты, признанные на государственном уровне или популярные только в народной молве, но они связаны между собою бескомпромиссным чувством внутренней духовной свободы. Не случайно мастерская Мессерера была колыбелью альманаха «Метрополь». <http://www.aej.org.ua/History/1218.html>

С 1974 года Борис Мессерер женат на Белле Ахмадулиной (1937). К этому времени за плечами Ахмадулиной была богатая личная и литературная биография. С детства она начала писать стихи. В 1957 г. подверглась критике в «Комсомольской правде». Училась в Литературном институте, в Исключалась из института за отказ поддержать травлю Бориса Пастернака – немногие отважились на такой поступок, помните: **«Мы поимённо вспомним всех, // Кто поднял руку!»**, А.Галич. Белла не подняла. Потом она была восстановлена и закончила учёбу в 1960 г. . В 1959, в возрасте 22 лет, Ахмадулина написала своё самое известное стихотворение «По улице моей который год...» - романс на эти стихи и музыку Микаэла Таривердиева прозвучал в фильме Э.Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!». В 1964 году снялась в роли журналистки в фильме Василия Шукшина «Живёт такой парень». Лента получила «Золотого льва» на кинофестивале в Венеции. В 1970 году Ахмадулина снялась в фильме «Спорт, спорт, спорт». Первый сборник стихотворений, «Струна», появился в 1962 г. Далее последовали сборники 1968, 1970 гг. После развода со вторым мужем Юрием Нагибиным Ахмадулина взяла на воспитание приёмную дочь Анну, а в непродолжительном браке с Эльдаром Кулиевым в 1973 году Ахмадулина родила дочь Елизавету.

Брак Мессерера и Ахмадулиной продолжался 36 лет, до смерти поэтессы в 2010 г

Состоя в браке с Мессерером Белла продолжала публиковаться (1975, 1977, 1977, 1983 «Сад»

(Государственная премия СССР, 1989). Перу Ахмадулиной принадлежат воспоминания о поэтах-современниках, а также эссе о А. С. Пушкине и М. Ю. Лермонтове.

В последние годы Белла Ахмадулина тяжело болела, практически ничего не видела и передвигалась на ощупь.

Из «Википедии»: Белла Ахатовна Ахмадулина - советская и российская поэтесса, писательница, переводчица, один из крупнейших русских лирических поэтов второй половины XX века.

***

«Не стало Беллы Ахмадулиной. Смыслом жизни её мужа, Бориса Мессерера, стали воспоминания о ней. Весь прошедший год он работал над книгой.

Полностью книга Бориса Мессерера "Промельк Беллы" публикуется в журнале "Знамя", 2011 год, № 9 - 12. Ниже – фрагменты.

Предисловие

Идея записывать, фиксировать свои наблюдения и впечатления укрепилась в моем сознании после того, как совпали наши с Беллой жизненные пути.

Еще и до этого события я встречался со многими интересными людьми, которых правильно было бы вспомнить. Но после того как мы с Беллой стали проводить время вместе, число таких встреч неизмеримо возросло. Белла подарила мне целый круг замечательных литераторов, а я радовался ее вхождению в художественные и театральные сферы. И процесс этот был совершенно органичным, в нем не было никакой преднамеренности, он протекал естественно.

Б.Ахмадулина и Б.Мессерер. 1981

Я был не сторонним наблюдателем, а участником этой безумной, но счастливой жизни. У меня всегда было много друзей, общение с которыми занимало значительную часть моего времени. Но главным моим жизненным инстинктом было стремление хранить Беллу и ограждать ее от различных бытовых неурядиц, чтобы уберечь ее редкий талант...

Пусть говорит сама Белла, чтобы читатель снова был увлечен ее изумительной, неповторимой интонацией, заморожен гипнотическим влиянием ее речи.

Для этого я старался записывать на диктофон многое из того, что рассказывала Белла, когда удавалось это сделать.

К более ранним и удачным записям следует отнести описание поездки Беллы во Францию в 1962 году, воспоминания о Твардовском, об Антокольском, о Высоцком.

Белла. Воспоминания

Осталась где-то жалкая, убогая фотография: две унылые женщины — это мать моя, моя тетка, — а вот в руках у них то, что они только что обрели, то, что появилось на свет в апреле 1937 года. Есть ли фотография сейчас, я не знаю, но я ее хорошо помню. И это жалкое существо, и эти две несчастные женщины, а впрочем, тогда добрые, думающие, что они обрели что-то хорошее, — все ошибаются, все трое. Они не обретут в себе то, что умеют обретать счастливые родители, нет, это уже видно по крошечному и какому-то несчастному лицу. Знает ли это мало сформированное несчастное личико, что же предстоит, что же дальше будет?

.....
Возможно, мои близкие выжили потому, что бабушкин брат Александр Митрофанович Стопани считался каким-то дружкой Ленина. Бабушка училась в казанской гимназии и под влиянием Александра носила прокламации. Ее полицейский останавливал, добрый полицейский: — Что вы делаете? Вам надо учиться, вам надо не огорчать семью, не огорчать ваших преподавателей. Что вы делаете?

.....
...суровая, пухлая директриса сказала:

— Хотите, я вам покажу самого-самого тяжелого, самого неодаренного ребенка в школе?

Какая-то комиссия, которая осматривала школу, она:

— Да, конечно, конечно.

То есть явно что-то чудесное можно было увидеть, и она меня подвела к ним и сказала:

— Ну, напиши какое-то слово.

А директриса жила при школе, и у нее была собака, что, конечно, было утешением моей жизни, любовью. Не пускали к ней, не пускали, но тем не менее.

Я попробовала написать. Она сказала:

— Ну, вы видите? Вы видите таких детей? Она думает не о матери, не о бабушке, которая о ней страдает из-за того, что она совершенно не учится, она вот думает о собаке. И я заметила, что она всегда думает о собаке. А что она пишет, какие буквы? Вы видите, что она ставит ударения только на согласных звуках?

— Да! — ужаснулись представители. — Да, но почему так?

— Не знаю, бывают дети, знаете ли, которые не поддаются никакому учению, никакому воспитанию.

Вот так сказали, то есть меня выставили как небывалое дитя, как небывалого несмышлениша, упрямого, мрачного, который еще и думает только о собаках.

... А я так много читала к тому времени, что, конечно, я уже очень хорошо писала, и если я в “собаке” ставила ударение где-то не там, то это не значило, что я не умею, потому что я непрестанно читала, сначала с бабушкой, потом одна. Это непрестанное чтение было Пушкина, но в основном как-то Гоголя, все время. Книги в доме были, и я читала, и вдруг все заметили, что я пишу без всяких ошибок и очень резво, и стала даже учить других, чтобы они писали.

Борис Мессерер:

Смешанная компания. Мы с Беллой встречаемся в квартире писателя Юлиу Эдлуса, в доме на углу Садовой и Поварской. Много людей, много выпито вина. Все в приподнятом настроении. Все хотят продолжения вечера. Вдруг Эдлис говорит:

— Ребята, пойдем в мастерскую к Мессереру. Это здесь рядом, на этой же улице.

Неожиданно все соглашаются. Я счастлив. <...> Замечаю, что гости находятся под впечатлением от мастерской. И Белла тоже...

Белла уезжает в Абхазию на выступления. Две недели томительного ожидания. Телефонный звонок:

— Я вас приглашаю в ресторан.

И мой ответ:

— Нет, это я вас приглашаю в ресторан.

Мы идем в ресторан Дома кино на Васильевской улице.

Обычно в подобной ситуации я что-то непрерывно говорю своей спутнице и полностью завладеваю ее вниманием. Здесь происходит все наоборот — мне не удается вставить ни одного слова.

Мы едем ко мне в мастерскую.

И жизнь начинается сначала. Со своей новой страницы...

В том декабре и в том пространстве

***Душа моя отвергла зло,
и все казались мне прекрасны,
и быть иначе не могло.***

***Любовь к любимому есть нежность
ко всем вблизи и вдалеке.***

***Пульсировала бесконечность
в груди, в запястье и в виске...***

В первые дни нашего совпадения с Беллой мы отрезали себя от окружающего мира, погрузились в нирвану и, как сказано Высоцким, легли на дно, как подводная лодка, и позывных не подавали...

Мы ни с кем не общались, никто не знал, где мы находимся.

.....

На пятый день добровольного заточения Беллы в мастерской я, вернувшись из города, увидел на столе большой лист ватмана, исписанный стихами. Белла сидела рядом. Я прочитал стихи и был поражен — это были очень хорошие стихи, и они были посвящены мне. До этого я не читал стихов Беллы — так уж получилось. После знакомства с ней мне, конечно, захотелось прочитать, но я не стал этого делать, потому что не хотел сглазить наши нарождавшиеся отношения. Я предзнал, что Белла пишет прекрасные стихи, но не хотел, чтобы на мое чувство влиял литературный интерес к ее поэзии.

.....

***Потом я вспомню, что была жива,
зима была, и падал снег, жара
стесняла сердце, влюблена была —
в кого? во что?***

***Был дом на Поварской
(теперь зовут иначе)... День-деньской,
ночь напролет я влюблена была —
в кого? во что?***

***В тот дом на Поварской,
в пространство, что зовется мастерской
художника.***

***Художника дела
влекли наружу, в стужу. Я ждала
его шагов. Смеркался день в окне.
Потом я вспомню, что казался мне
труд ожиданья целью бытия,
но и тогда соотносила я
насущность чудной нежности — с тоской
грядущей... А дом на Поварской —
с немислимым и неизбежным днем,
когда я буду вспоминать о нем...***

На этом можно было бы и закончить, если бы мы хотели только получить представление об отношениях Мессерера и Ахмадулиной. Но я не могу не добавить фрагменты их воспоминаний о Высоцком и его друзьях-товарищах.

Об Антокольском и Высоцком.

«...Он [Антокольский - ГБ] написал поэму “Сын”. Его сын Володя мальчиком пошел на фронт, конечно, и погиб. Эта рана никогда не заживала. Поэма “Сын” была такая патриотическая скорбная вещь, за нее Антокольский получил Сталинскую премию. Это поддерживало его авторитет, его какую-то сохранность. Но потом его обвиняли в космополитизме, от него отреклись бывшие

ученики по Литературному институту. Но Антокольский никогда не гневался, не обижался, совершенно их прощал, никогда не корил. Как они сами с этим жили, неизвестно, но у них совести вообще не было, наверное. <...> Все знают, что Павел Григорьевич без подарка не обходился. Это было невозможно: уж что-нибудь да подарит.

«Вот недавно мать Володи Высоцкого меня спросила: “Белла, может быть, вы знаете, почему вдруг столько книг Антокольского у Володи — и все подписаны одним днем?”. Я говорю: “Еще бы мне не знать, очень даже знаю, очень помню”.

Павел Григорьевич не знал Высоцкого, но страшно интересовался. И был такой счастливый случай, что они совпали. И каждый блистал. Володя ведь тоже был невероятно артистичен. Замечательно рассказывал. И вот так он пленил Антокольского. <...> Тогда Павел Григорьевич так был очарован, побежден, как всегда, прельщен талантом другого человека, а лучше этого он ничего на белом свете не видел и не искал <...> А тут уж такой счастливый случай. <...> начал дарить все: то есть и свои книги, и другие книги...

Борис Мессерер

...Эдмунд Стивенс — американский журналист, с которым мы были в приятельских отношениях, живший в Москве в отдельном особняке на широкую ногу, — узнал, что мы в этот день официально соединили наши судьбы, он потребовал, чтобы мы немедленно приехали к нему домой, где он экспромтом организовал роскошный банкет в нашу с Беллой честь.

Наш праздник продолжался целый день: начался утром, торжественный обед состоялся у Эдмунда, а вечером я призвал друзей прибыть ко мне в мастерскую.

Приехал Высоцкий, он весь вечер пел под гитару и украсил наш праздник.

С этого дня началось наше постоянное дружеское общение с Володей Высоцким и Мариной Влади. С ними мы встречались и раньше, но эпизодически. А этот день сыграл счастливую роль.

Когда я думаю о возникшей близости с Володей и Мариной, я понимаю, что, видимо, произошло некое единение людей, проживающих похожую жизненную ситуацию. Мы с Беллой и Володя с Мариной совпали друг с другом в определенном возрасте и в определенном, довольно трудном соотношении, когда наши судьбы в значительной мере уже сложились. Все мы были достаточно известны и, быть может, даже знамениты. Каждому из нас надо было что-то в себе менять так или иначе, чтобы соответствовать друг другу. Но владевшая нами страсть (я говорю это по своему ощущению) превозмогала те препоны, которые жизнь громоздила на нашем пути. И это нас сближало.

Мы с Беллой стали очень часто, я думаю, через день, бывать у Марины и Володи, а в какие-то дни они приезжали к нам в мастерскую. В их доме общаться было удобнее, потому что квартира отличается от мастерской камерностью, большей приспособленностью к уюту, хотя все мы были “неуютные” люди и ощущали себя мятежными душами.

Это была длинная череда встреч. Ритуал сложился сам собой. Мы созванивались с Мариной и приезжали на Малую Грузинскую, 9, в квартиру Марины и Володи, часам к девяти вечера. Это близко от Поварской.

К этому моменту у Марины уже был готов стол с прекрасными напитками и закусками. Мы начинали выпивать и разговаривать и долго сидели за столом. Володя приезжал часам к одиннадцати, после спектакля. При нас, в нашем с Мариной застолье, Володя никогда не выпивал. Он рассказывал всякие театральные новости. Всегда был душой компании и всегда был на нервном подъеме. К концу ужина Володя говорил: “А хотите, я вам покажу (всегда слово — “покажу”) одну свою новую вещь?”. Он брал гитару и начинал петь. Иногда врубал мощную технику и воспроизводил только что сделанную запись. И всегда это было для нас неожиданным, и всегда буквально пронзало сердце. Сидели допоздна — далеко за полночь. С ощущением праздника, который дарил нам Володя.

Февралем 1975 года помечено стихотворение, в котором Володя обращается к своим друзьям. Оно посвящено и Белле:

Вы были у Беллы?

Мы были у Беллы.

Убили у Беллы

День белый, день целый:

И пели мы Белле,

Молчали мы Белле,

Уйти не хотели,

Как утром с постели.

И если вы слишком душой огрубели —

Идите, смягчитесь не к водке, а к Белле.

И если вам что-то под горло подкатит —

У Беллы и боли, и нежности хватит.

В январе 1976 года мы получили письмо-привет от Марины из Кельна во время их с Володей короткого пребывания в Германии. Это письмо передал удивительный человек по имени Бабек, который на наших глазах стал миллионером, хотя был сыном иранских коммунистов и воспитывался в интернате для детей членов дружественных компартий под городом Иваново. Он сделал стремительную карьеру в бизнесе.

Я воспроизвожу письмо с особенностями орфографии Марины:

Беллачка дорогая, мы остановились в Кельне. Погуляли. Я про тебя думала и решила, через Бабека, который скоро приедет в Москву, тебе кое что передать. Вот Боре наски американские и громадный привет! Тебя я целую и люблю
Марина

А дальше идет приписка Володи с предложением писать буриме. Но как мощно и раздольно звучит его голос!

***Расположились мы нагло и вольно
В лучшей гостинице города Кельна!***

***И мы тебя целуем
А дальше — рифмуй, Белочка, продолжаем бу-ри-м-е-е-
Целую тебя и Бориса
Володя***

6 января 1976

(Написано на бланке "Hotel Inter-Continental")

Белла откликнулась на призыв Володи, выйдя из жанра буриме, но продолжение получилось:

***Продолжить повелел... быть посему, Володя.
Мне страшно преступить неизвестный рубеж
меж вечностью и днем, где поступь Новогодья
в честь поросли молодой уже взяла разбег.
Мысль о тебе ясна. Созвучья слов окольные.
Но был чудесный день. Ты и Марина в Кельне.
Так я пишу тебе вне правил буриме,
вне правил общих всех, вне зауми решенья
тебе воздать хвалу, что, как хула, скушна.
Солнце-морозный день, день твоего рожденья.
Чу — благодать небес к нам, сирым, снизошла***
25 января 1976

Сам я с Володей Высоцким познакомился в далеком 62-м. Когда балерина Большого театра Лиля Шейн позвала меня и мою первую жену Нину Чистову (тоже балерину Большого театра) в гости. <...> В этой маленькой квартирке за столом, уставленным бутылками, я впервые увидел Володю Высоцкого. Он держался крайне скромно, сидел в углу и молчал. Но каким-то образом выделялся своей внешностью и, быть может, застенчивостью среди других участников этого застолья. Наверно, потому, что его лицо было как будто вырублено неким божественным скульптором с довольно резким обозначением скул, лба и подбородка. Он притягивал к себе взгляды. Многие из присутствующих узнали его, и к концу застолья стали раздаваться просьбы спеть. Володя взял гитару и мгновенно завладел общим вниманием. Я был поражен интонацией, мощью и горловыми хрипящими раскатами его голоса. Он произвел сильнейшее впечатление. С тех пор мы часто встречались в различных компаниях, да и на сцене Таганки я видел его во многих спектаклях.

Так случилось, что я знал почти весь круг друзей Володи Высоцкого. По существу, это был и мой круг хороших знакомых.

Его ближайший друг Севочка Абдулов жил в одном подъезде со мной, тремя этажами ниже. Он часто звал меня, когда Володя у него пел. Помню, как я отвозил на своем красном "москвиче" припозднившегося в гостях у Севочки Володю куда-то на Юго-Запад. Я выходил из дома с намереньем ехать по делам, а Володя, немного отоспавшись у Севы, еще только отправлялся домой.

У всех, кто бывал в доме у Севочки, были прекрасные, уважительные отношения с его мамой Елизаветой Моисеевной, красивой интеллигентной дамой. Отцом Севы был известный актер Осип Абдулов, который сильно хромал, ему было трудно находиться на сцене, но голос его очень часто звучал в эфире. Всю семью я знал с детства. Мне было известно, что у Абдуловых бывали Мейерхольд, Зощенко, Бабель, Ахматова. В этот дом приходила Марина Влади, когда приезжала в Москву. Володя приглашал нас с Беллой на эти вечера.

Напротив и немного наискосок от нашего дома жил мой школьный товарищ Эдуард Жилко. Там часто протекали наши юношеские застолья. Я приглашал туда Севу Абдулова. Там бывал и Лева Кочарян вместе с Машей Юткевич. Лева был человеком обаятельным и остроумным. Работал он вторым режиссером на “Мосфильме”. Киношники очень хорошо говорили о нем, называя “первым среди всех вторых режиссеров”. В компании он был неотразим, особенно когда хотел понравиться дамам: проделывал немислимые трюки — прокалывал щеку иголкой с ниткой, затем продевал иголку во вторую щеку и вытаскивал ее уже снаружи. Или ставил на столе бутылку водки наклонно, и она держалась. Все хотели повторить этот трюк, но не могли, пока не распознали, что Лева подкладывает под скатерть спичку и на нее опирает поверх скатерти бутылку. Он умел жевать бритвы, закусывать фужерами и знал массу анекдотических историй, которыми интриговал публику. В то же время у него был особый талант чуткости, он всегда был очень внимателен к людям. Что, видимо, привлекло Володю еще в юности, и они стали добрыми друзьями, хотя у них была значительная разница в возрасте — Лева был старше на восемь лет.

Близким другом Володи Высоцкого был Артур Макаров. Он приходился племянником знаменитой актрисе Тамаре Макаровой. Учился в одно время с Беллой в Литературном институте. И тоже был исключен. Какое-то время его путь для нас потерялся. А потом, я помню, как-то мы шли с Беллой и встретились с ним на бульваре около Пушкинской площади. Незадолго перед этим мы прочли в “Новом мире” рассказ “Близкая даль”, подписанный его именем. Рассказ нам очень понравился. Белла тогда сказала: “Неужели это Артур написал?”. И вот, когда мы его встретили, Белла сразу же спросила:

— Артур, это ты написал рассказ?

— Да, я... — ответил он.

Белла захопала в ладоши и тут же пригласила Артура к нам в мастерскую. С тех пор он стал бывать у нас, когда приезжал из своего добровольного заточения под Псковом. Видимо, желая сосредоточиться на своих литературных трудах, Артур предпочитал жить в совершенной глуши. У него там был свой дом. Он занимался охотой, ходил на медведя. И писал как одержимый. Туда к нему приезжала его возлюбленная актриса Жанна Прохоренко.

Артур был весьма дружен и с Василием Макаровичем Шукшиным. Снялся в роли бандита в фильме “Калина красная”. С Высоцким они дружили еще со времен Большого Каретного...

Артур прожил короткую жизнь, не до конца выразив себя как писатель.

Другим близким Володе человеком был Вадим Туманов.

Володя познакомил нас осенью 1976 года. Тогда Туманов показался мне немного медлительным, но в нем угадывалась какая-то огромная внутренняя сила. Знакомя нас, Володя сказал, что Туманов — золотоискатель, имеет свою артель. Володя показал пачку фотографий, где они сняты в карьере вместе с другими людьми, которых они вместе узнавали и называли по именам. Володя отзывался о них чрезвычайно уважительно. Все это было ново и волновало: артель, Сибирь, золотоискатели — смелые люди, официально получающие большие деньги. Вадим стал рассказывать, что он покупает в Ялте дом вместе с землей и приглашает нас с Беллой туда пожить.

Наша дружеская связь продолжалась, и мы имели возможность оценить благородство характера Туманова, который в трудные для нас минуты оказывал нам бескорыстную помощь.

Прошли годы, со временем Вадим блестяще себя проявил, написав прекрасную книгу о своей жизни. О том, как служил во флоте, об аресте по доносу за критические высказывания о советской действительности, о годах, проведенных в неволе. А в конце книги написал и о своей артели — зародыше капиталистической системы в стране, находившейся в тупике социалистической экономики. Он достойно прошел через все испытания той травли, которую организовала советская власть в отношении первопроходца новых экономических отношений. Мощный характер талантливо самородка был тонко и вовремя оценен Высоцким.

Из книги Вадима Туманова “Все потерять и вновь начать с мечты” мне хочется процитировать абзац, касающийся Беллы:

«С Беллой Ахмадулиной я познакомился у Высоцкого на одном из его дней рождения. Я и прежде читал ее стихи, но в первый раз видел ее царственно вскинутую голову, экзотические черные глаза и слышал очаровательный, покоряющий “этот голос странный”. Белла была одной из немногих, кто действительно хотел, чтобы Володя был напечатан, очень старалась помочь. И Володя ценил это и с нежностью относился к ней. В минуты грусти я и теперь перечитываю автограф Беллы на

оттиске ее стихов, когда-то подаренных мне: «Дорогой мой, родной Вадим! Спасибо тебе — за Володю, за меня — всегда буду верить, что твоя сердечная расточительность охранит твое сердце, твою жизнь. Всегда твоя Белла».

Из друзей Володи хочу упомянуть и Валеру Нисанова. Он жил в одном доме с Володей. По профессии он был фотограф, при этом являясь человеком разносторонних творческих интересов. Меня он поразило тем, что, уехав с семьей (женой Аришей и двумя детьми) в США, там неожиданно занялся изданием русскоязычной газеты. Мы с Беллой останавливались у него на одну ночь в Нью-Джерси. Он выпустил номер газеты, целиком посвященный Белле. Потом издал книгу фотографий, посвященную Высоцкому. Мечтал об издании альбома со стихами Беллы и моими рисунками.

Судьбе было угодно сделать Валеру Нисанова свидетелем последних дней жизни Володи. Эти дни и часы он помнил лучше и достовернее всех.

Валера очень тесно дружил с поэтом и переводчиком Митей Виноградовым, сыном Ольги Всеволодовны Ивинской — великой женщины, которую в последние годы своей жизни любил Пастернак. Она претерпела ужасные испытания — дважды была арестована и провела много лет в заключении. Потом написала изумительную книгу воспоминаний «В плену времени». В ней она тепло упоминает о Белле.

В доме Валеры мы провели счастливые часы общения с Ольгой Всеволодовной, которая с первых мгновений вызвала у нас с Беллой подлинное восхищение. Несмотря на все тяготы жизни, она излучала какой-то особенный внутренний свет.

В доме у В. Высоцкого
Слева направо: Ф. Володарская, А. Митта, Б. Ахмадулина, С. Высоцкий, Е. Митта, Л. Майорова, В. Абдулов, В. Суходрев,
И. Окуневская, В. Аксенов, Е. Павлович, Т. Егорова, Б. Мессерер, Э. Володарский, С. Говорухин, М. Влади, В. Высоцкий. 1975

Хочется отметить, что Марина Влади весьма строго относилась к отбору гостей, которых она принимала у себя в доме, и делала акцент лишь на нескольких именах. Наверное, это шло от существующей во Франции традиции общения людей довольно узким кругом. Быть может, это была ее реакция на поведение Володи, который очень любил друзей и широко с ними общался.

Перечислю тех немногих людей, которые собирались в доме Марины и Володи по праздникам, а иногда и вместе с нами. Это, прежде всего, Севочка Абдулов, в то время актер МХАТа; кинорежиссер Саша Митта, у которого Володя много снимался, и Сашина жена художница Лиля; кинорежиссер Станислав Говорухин, создавший знаменитый фильм «Место встречи изменить нельзя», в котором с большим успехом сыграл Высоцкий; киносценарист Эдик Володарский, близкий друг Володи, бывший с ним рядом всю жизнь. По моему наблюдению, Володина интонация во время разговоров была заимствована им у Володарского. Эдик был славен своими фантастическими приключениями.

Однажды его вместе с Володей поместили в больницу для «оздоровления». Володарский провел там короткое время и нашел способ оттуда бежать. Но мысль о том, что Володя остается в больнице один, заложником возникшей ситуации, не давала ему покоя, и он вернулся, и сдался врачам.

В доме Марины мы встречали Валерия Павловича Янкловича. В то время он работал заместителем директора Театра на Таганке и помогал Володе устраивать его гастрольные поездки, иногда проводя с Володиёй в поездках по несколько недель. Меня всегда смешило, что

Б. Окуджава и Б. Мессерер. 1992
B. Okudzhava and B. Messerer. 1992

директора Театра на Таганке Якова Безродного мы звали Яшка, а его заместителя Янкловича величали Валерий Павлович. Я знал, как много делал он для Володи.

В гостях у Марины и Володи бывали красавица Инга Окуневская и ее муж Виктор Суходрев, знаменитый переводчик всех наших лидеров, начиная с Хрущева, продолжая Брежневым, Андроповым и Горбачевым. Приходила Таня Егорова из Театра на Таганке, югославский режиссер Владо Павлович, снявший Высоцкого в фильме «Единственная дорога». Иногда заходил Вася Аксенов, иногда — отец Володи Семен Владимирович. И конечно,

незабываемы вечера, когда бывал Булат Окуджава и они с Володиёй пели по очереди.

***

В 2012 году в память об Ахмадулиной и с учётом её итальянских корней по матери, Лазаревой Надежды Макаровне, по инициативе Бориса Мессерера учреждена российско-итальянская премия «Белла» для молодых поэтов в возрасте от 18 до 35 лет. Присуждать премию будут за стихотворения на русском и итальянском языках, а также в номинации «Литературно-критическое или биографическое эссе о современной поэзии». Уникальность премии в том, что получить её можно не за книгу стихов, а за отдельное стихотворение или поэтическое произведение. Жюри у премии будет два: русское и итальянское. Вознаграждение победителей составит 3000 евро. Церемония награждения будет проходить ежегодно в России и Италии в апреле — месяце рождения Ахмадулиной.